

исследований [...] потребностей, мотивов поведения, интересов и социальных ожиданий молодежи»¹.

Еще один подход к системе формирования будущих специалистов с определенными ценностными установками раскрывается в работе Е.В. Бакшутовой. Он заключается в приобщении студентов к социальным гуманитарным проектам в городском пространстве, которые ориентированы на такие практики, как диалог социальных групп и сообществ региона, развитие коммуникативной культуры в обществе и, в особенности, в молодежной среде². В целом представленные подходы по формированию молодой интеллигенции опираются на практический опыт конкретных вузов.

Таким образом, в современной научной литературе выделяются разные позиции по вопросу о соотношении понятий «интеллигенция» и «креативный класс», рассматриваются общие и отличительные черты этих социальных групп; анализируется противоречивое влияние информационных технологий на профессиональную деятельность интеллигенции и способы ее существования в интернет-пространстве; предлагаются новые креативные подходы к формированию будущего интеллектуального слоя в системе высшего образования России.

УДК 930.1, 930.23, 930.285

DOI: 10.18287/978-5-6053708-3-3-2025-52

*Ланской Г.Н.*¹

НАУЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ (г. Москва)

В статье рассмотрен процесс трансформации научной исторической мысли в России, представлена классификация историографических источ-

¹ Шушунова Т.Н. Воспитание интеллигента сквозь призму деятельного подхода М. Вебера // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 23-24 сент. 2021 г. Иваново, 2021. С. 125, 127, 130.

² Бакшутова Е.В. *Studia humanitatis* в постиндустриальную эпоху // Науки о жизни. Интернациональный информационно-имиджевый альманах. Самара, 2015. С. 57.

¹ Ланской Г.Н. – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики и кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов, Российский государственный гуманитарный университет, gri_lanskoi@list.ru

ников, определены критерии отнесения посвященных описанию истории текстов к научному типу. Они отделены от публично ориентированных произведений политической историографии и работ дидактической направленности. Выявлены факторы формирования научных представлений об исторических событиях. К ним отнесены использование документальных источников; применение обоснованных и апробированных методов их анализа и интерпретации; создание концептуальных моделей, основанных на логических аргументах и реально происходивших фактах. Продemonстрировано различие между позитивистским и феноменологическим методологическими подходами в определении принадлежности историографических источников к научному типу. Выявлены три этапа развития научной исторической мысли в России – рационалистический, советский и постсоветский.

Ключевые слова: историческая мысль; историографическое исследование; источник; методология; метод; классификация; рационализм; марксизм.

Lanskoy G.N.¹

SCIENTIFIC HISTORICAL MIND IN RUSSIA: STAGES OF DEVELOPMENT (*Moscow*)

The article examines the process of transformation of scientific historical thought in Russia, presents a classification of historiographical sources, and defines criteria for classifying texts devoted to the description of history as a scientific type. They are separated from publicly oriented works of political historiography and works of didactic orientation. The factors of formation of scientific ideas about historical events are revealed. These include the use of documentary sources; the use of sound and proven methods of their analysis and interpretation.; creation of conceptual models based on logical arguments and actual facts. The difference between positivist and phenomenological methodological approaches in determining whether historiographical sources belong to a scientific type is demonstrated. Three stages of the development of scientific historical thought in Russia have been identified: rationalistic, Soviet and post-Soviet.

¹ Lanskoy G.N. – Doctor of Historical Sciences, professor, Department of Foreign Regional Studies and External Policy and Department of Documentary Science, Audiovisual, Scientific and Technical Archives, Russian State University for the Humanities, gri_lanskoi@list.ru

Keywords: historical thought; historiographical research; source; methodology; method; classification; rationalism; Marxism.

Формирование, развитие и презентация в различных видах источников исторической мысли являются одним из наиболее распространенных проявлений интеллектуальной культуры. Можно с полным основанием констатировать, что обращение к событиям отдаленного или недавно завершившегося прошлого представляет собой естественную потребность для большинства людей и занимает важное место в формировании их мировоззрения. При этом наблюдаются встречные процессы самостоятельного размышления каждого, направляющего свое мышление в данном направлении человека о минувшем и влияния представителей социальных институтов, заинтересованных в формировании ориентированного в конкретном идейном направлении исторического дискурса, на это, являющееся в большинстве случаев антропологическим когнитивное и в заметной степени эмоциональное движение. Наиболее активно действующими в данной коммуникативной сфере являются государственные органы, научные организации и образовательные учреждения, деятели которых могут при наличии единого ориентира развития общества консолидировать свои усилия. Наиболее очевидным такое объединение было в советском государстве, где в качестве сплачивающего многих людей ориентира рассматривалось построение коммунизма как особой и признававшейся в рамках идеологических норм достижимой формы организации общественных отношений. Во второй половине 2010-х и особенно в начале 2020-х гг. задача такой консолидации вновь приобрела очевидную актуальность, обусловленную необходимостью обеспечить противодействие угрозе внешней безопасности стране и внутренней дезинтеграции в ней.

Поскольку в формировании исторических знаний стремятся участвовать люди с различной организационной мотивацией и разным уровнем компетентности в данной предметной области, методологически важной задачей является классификация по степени объективности и, следовательно, достоверности создаваемых в равной мере для индивидуального и публичного восприятия историографических источников. На ее основании могут быть выявлены их типы.

Первым из них являются научные исторические исследования, цель создания которых заключается в получении объективных зна-

ний о прошлом. Они представлены, с одной стороны, в виде концепций и других, более частных по масштабу объяснений происхождения и содержания минувших явлений и процессов. С другой стороны, к их числу относятся излагаемые в логической последовательности факты. Эти обе группы элементов историографического повествования, являясь одинаково значимыми, имеют различное происхождение и в связи с этим должны оцениваться с точки зрения определения их достоверности на основании разных исходных позиций. Происхождение концепции определяется мировоззрением ее автора или авторов, является отражением его стремления к обобщению и презентации собственных взглядов для читателей или слушателей. Этим, в частности, руководствовались исследователи, систематизировавшие произведения российских авторов XIX – начала XX вв., по признаку их политических убеждений¹. Изложение фактов, а также их предварительный подбор для панорамного представления исторических событий основываются на выявленных доступных источниках и зависит от умения историографа выбрать для использования их объективную часть. При этом особенно в летописных по своей нарративной стратегии произведениях данный процесс практически не может быть реконструирован читателю, которому предлагается только готовое описание минувших событий. Поэтому в качестве одного из рубежных объектов развития исторической мысли в России рассматривается творчество Н.М. Карамзина, который, обобщив найденные им свидетельства хроникального характера, поставил и решил задачу изложения развития государства и общества за период с его основания во второй половине IX в. до событий возникновения и преодоления Смуты в 1600 – начале 1610-х гг.² По состоянию на первую четверть XIX в. созданное данным автором повествование, специфика которого стала основанием для его распространенного названия «последним летописцем, не противоречило содержанию доступных источников и поэтому выглядело вполне убедительным с научной точки зрения, хотя он напрямую не представлял читателю свою исследовательскую лабораторию.

Вторым типом историографических произведений, достаточно распространенным в странах с активно проявляющимися внутрен-

¹ Иллерицкий В.Е. История России в освещении революционеров-демократов. М.: Соцэкгиз, 1963. 439 с.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2009. 1020 с.

ними противоречиями в сфере идеологии, являются тексты политико-публицистической направленности. В них изложение информации о минувших или продолжающихся событиях становится аргументом для обеспечения и реализации политической власти по отношению к различным слоям общества. Если авторы таких произведений уже достигли административных полномочий в рамках государственного аппарата, то их целью при создании историографических источников становится реализация своих полномочий путем обоснования собственных взглядов и реализуемой управленческой стратегии. Например, с такой направленностью выступали руководители СССР на мероприятиях в честь годовщин октябрьской революции 1917 г., обращаясь к этому событию как к исходному факту создания руководимого ими государства и объясняя логику развития страны с ее начала до обозримого будущего времени¹. В случае принадлежности авторов историографических источников политико-публицистической направленности к числу представителей оппозиции, противостоящей правящей элите и ее курсу, целью изложения ими прошедших и нередко продолжающихся событий является расширение состава своих единомышленников, выражение их коллективного мнения. Примером такого рода сочинений стали произведения М.М. Щербатова² и Н.М. Карамзина³, в которых выявлялись имевшие в глобальном смысле культурный характер недостатки «новой» по отношению к «старой» – допетровской – России. Профессиональная принадлежность авторов произведений политико-публицистического типа к числу обладателей государственной власти или претендентов на ее получение не обозначает напрямую, что создаваемые ими историографические источники будут идеологически ангажированными. Поэтому, например, среди статей и других по видовой принадлежности работ В.И. Ленина

¹ Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском дворце съездов 2 ноября 1987 г. М.: Политиздат, 1987. 60 с.

² «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева: факсимильное издание. М., 1983. 340 с.

³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. 125 с.

можно выявить тексты как научного¹, так и сугубо «практико-ориентированного»² характера.

Третий, менее значительный по объему комплекс историографических источников относится к учебно-дидактическому типу. Его отличительной особенностью является отсутствие у авторов целенаправленного стремления сформировать отличающееся от существующих в научной среде концептуальных представлений знание о прошлом и неиспользование ими выраженных пропагандистских средств при формировании ретроспективного компонента в мировоззрении читателей. Как правило, они выбирают повествовательную канву, соответствующую критерию логичности, и излагают ее в тексте в форме, доступной для восприятия конкретной социально-возрастной группой. При этом как в досоветский, так и в советский период при создании учебно-дидактических произведений по истории авторы обычно на подтекстном уровне стремились спроектировать мировоззрение читателей по отношению не только к прошлому, но также к настоящему и будущему. Например, Д.И. Иловайский, создавший один из наиболее массовых учебников и придерживавшийся монархических взглядов, представлял развитие России в период правления династии Романовых в гладком, почти «пасторальном» ключе, сосредотачивая внимание на позитивных фактах деятельности ее представителей³. В дидактической литературе советского периода, начиная, главным образом, с середины 1930-х гг., выстраивалась линейная модель, которая основывалась на теории общественно-экономических формаций и представляла в прикладной версии процесс кардинальной, прогрессивной по содержанию смены всей совокупности общественных отношений и социальных институтов по итогам октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны⁴. В первой половине 2020-х гг. при подготовке учебников по истории России и других стран наметилась тенденция взаимодействия государственных деятелей и представителей научного сообщества, ориентированная на формирова-

¹ Ленин В.И. Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Ленин В.И. Полн. собр. Соч.: в 55 т. Т. 3. М., 1975. С. 1-636.

² Его же. Памяти Герцена. М., 1980. 15 с.

³ Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста. 9-е изд. М. 1868. 396 с.

⁴ История СССР: Эпоха социализма: [учебник для вузов по специальности «История»] / под ред. Ю.С. Кукушкина. М., 1985. 479 с.

ние у читателей объективного и одновременно идеологически детерминированного знания.

В процессе развития исторической мысли создание историографических источников научного, политико-публицистического и учебно-дидактического типов переплетается в единый тип, поскольку их за исключением сугубо повествовательных по стилю текстов объединяет наличие доносимых читателю концепций. Данное свойство имеет вполне закономерный характер, потому что у любого автора в процессе творческой самореализации возникает естественное намерение изложить интерпретированную концепцию, а не просто линейную схему прошедших событий. Исходя из этого, известный специалист в области историографических исследований К.Н. Тарновский сформулировал специфику их основного объекта следующим образом: «Под историографическим фактом мы понимаем авторскую концепцию, с большей или меньшей четкостью и полнотой изложенную в исследовании; в нем, таким образом, доминирует системообразующее и объясняющее знание, полученное в результате анализа исторических фактов»¹. Поскольку подготовке обобщающих исследований предшествовали подготовка их эмпирической базы, обсуждение на различных мероприятиях, процесс генерирования исторической мысли, являющийся предметом изучения в историографии, приобретал достаточно широкие интеллектуальные и практические границы.

Этот факт был признан специалистами, которые в итоге пришли к более широкому, учитываемому на базовом уровне и в настоящее время пониманию сущностных рамок объектно-предметной сферы любого историографического исследования. Одним из первых к такому экспертно-аналитическому результату пришел С.О. Шмидт, сделавший в одной из своих статей следующий вывод: «Становится все яснее, что историю исторической науки (и шире – развития исторической мысли, исторических знаний) нельзя сводить ни к концепциям (особенно глобально методологического характера или откровенно политической направленности), ни к деятельности только виднейших ученых-исследователей, создателей научных школ, крупных организаторов науки, знаменитых влиятельных публицистов (философов, литературных критиков или политических деятелей), ни к изучению немногих сочинений,

¹ Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России: Начало XX в.: Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов. М., 1990. С. 10.

оказывающих воздействие и на последующие поколения»¹. Данное определение состава историографических фактов несомненно могло быть отнесено ко всем этапам развития научной исторической мысли, потому что обращение заметных в обществе авторов к минувшим событиям и их последующая интерпретация всегда выходили за рамки профессиональной деятельности ученых. Они оказывались в сфере внимания должностных лиц, возглавлявших государственные органы особенно идеологического профиля.

Вполне очевидно, что возникновение проявлений научной исторической мысли могло произойти не только в России, но и в других странах только с распространением методологической концепции рационализма. Ее зарождение и признание, отчетливо проявившееся в XVIII в., обозначало констатацию значимости разума конкретного человека и его самодостаточности по отношению к метафизическим нормам мышления, признававшимся до этого периода априорными. Начиная с этого времени ценность историографических источников выявлялась не только в масштабности числа изложенных в них фактов и репрезентативности привлеченной документальной и в широком смысле информационной основы, но и в оригинальности и убедительности изложенной конкретным автором концепции. В XIX в. исторический нарратив, методика которого сформировалась в мировой историографии на протяжении многих столетий, совместился с теоретическими основаниями. Символом этого процесса, приведшего к формированию научной методологии исследований событий отдаленного и недавнего прошлого, стала экстраполяция в произведения российских² и европейских³ авторов основных идей концепции Г.В.Ф. Гегеля⁴. Методологическое значение этого ориентира заключалось прежде всего в гипотезе о том, что каждый народ способен обладать собственным духовным обликом (духом) и реализует его в рамках национальной истории при помощи создаваемых общественных институтов. В частности, одним из главных побочных результатов данного процесса яв-

¹ Шмидт С.О. К изучению истории советской исторической науки 1920-1930-х годов // История и историки. М., 1990. С. 84.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 11 т. СПб., 2015. Т. 1-11.

³ Ранке, Леопольд фон. Об эпохах новой истории: Лекции, читанные баварскому королю Максимилиану II (в 1854 г.). М., 1898. 192 с.

⁴ Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Лекции по философии истории. СПб., 1993. 477 с.

ляется создание национального или – в более редких случаях – наднационального (цивилизационного) государства.

Эффективным подспорьем создания историографических концепций стала позитивистская методология в ее глобальной и прикладных версиях. Использование ее в качестве исходной точки развития научной исторической мысли давало возможность путем выявления необходимого объема последовательно сменяющих друг друга фактов выстроить две линейных модели развития любых народов – прогрессивную или, напротив, регрессивную. При этом каждое событие, интегрированное в объективно существовавшую или субъективно выстроенную ученым канву, оценивалось также в частном порядке исходя из идеологической части свойственного ему мировоззрения. На этом, в частности, основывалось разделение историографических источников на произведения консервативной, либеральной и революционно-демократической направленности. Различие между ними проявлялось в качественной оценке совершавшихся фактов трансформирования действительности, а также в их интерпретации преимущественно с ценностных позиций либерализма или допустимого авторитаризма.

В России до создания советского государства в случае отсутствия выявленного государственными органами участия конкретных авторов в политической борьбе против правящего режима идеологический выбор историографа был достаточно свободным. Он не был подчинен каким-либо нормативно установленным границам мыслительной деятельности. Поэтому, в частности, такие оппозиционно настроенные по отношению к самодержавной модели деятели, как П.Н. Милюков¹, могли достаточно свободно и продуктивно заниматься профессиональным творчеством и создавать концепции, параллельные по отношению к официально поддерживаемой модели восприятия исторических событий.

После прихода к власти приверженцев большевизма и установления на рубеже 1910-1920-х гг. однопартийной модели руководства людьми в коллективном и индивидуальном качестве наступает новый этап развития научной исторической мысли. Вместо рационализма, в соответствии с которым самостоятельное осмысление прошедших и продолжающихся событий признавалось главной, основой создания историографических источников становится

¹ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 2024. 303 с.

идеологический детерминизм. Он особенно по отношению к широкомасштабным, охватывающим весь процесс исторического развития конкретной страны объектным границам должен был использоваться в качестве основы для оценки позитивного или, напротив, негативного значения конкретных событий. Поэтому в условиях проявившейся во второй половине 1930-х гг. кристаллизации утвержденного идеологическими нормами концептуального подхода к интерпретации российской истории в ее дискретном и глобальном – общемировом – качестве колебавшиеся примерно в течение полутора десятилетий взгляды формального основателя советской научно-педагогической школы историков М.Н. Покровского были определены как антиисторические и антимарксистские¹.

Процессы комплексной критики убеждений данного автора и определения источника единственно верной интерпретации наиболее значимых в идеологическом отношении событий развития России происходили параллельно друг другу, о чем свидетельствует следующее, высказанное в начале 1940-х гг. А.М. Панкратовой: «Мои разногласия с Покровским начались по вопросу об исторической роли пролетариата (...) С другой стороны, изучение истории пролетариата не приблизило меня так вплотную к исторической методологии, как многих других историков, хотя нужно сказать, что я в основном в тот период воспринимала методологию Покровского не критически, не занимаясь ее критикой, я воспринимала ее как более или менее должное на историческом фронте. Я считала Покровского большевистским историком, историком-марксистом, считала долгое время до указаний товарища Сталина. Учебник, сталинский «Курс истории ВКП(б) является сейчас для меня настольной книгой. Ни одной работы я не читаю, не просмотревши, не продумавши еще и еще раз краткого курса «Истории ВКП(б)»². Выявление негативных последствий культа личности И.В. Сталина не оказало существенного воздействия на развитие исторической мысли в России, потому что вплоть до центробежных процессов 1988-1990 гг. идеологическое единство членов КПСС вокруг большевистской интерпретации отечественной истории советского и соответственно досоветского периодов оставалось неизменным.

Мировоззренческие отклонения от него, основанные в том числе на выявлявшихся в базовых с концептуальной точки зрения

¹ Против исторической концепции М.Н. Покровского: в 2 ч. М.; Л., 1939-1940. Ч. 1-2.

² Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 14. Л. 47-48.

произведениях, становились объектом преследования со стороны представителей как научного, так и идеологического (внутрипартийного) сообщества. Об этом свидетельствовала, в частности, продолжавшаяся вплоть до второй половины 1980-х гг. кампания идейного и кадрового наступления на создателей представленной в системном виде в начале 1970-х гг.¹ теории многоукладности социально-экономического развития России в официально признававшимся капиталистическим и на поздней, предреволюционной стадии империалистическим период. В рамках не только административно внедренной, но и самостоятельно развиваемой конкретными авторами модели исторического мышления позитивная ценность событий Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны и ряда последующих вполне очевидных достижений руководителей и остальных граждан советского государства признавалась безусловной. Отклонение от ее признания закономерно рассматривалось как проявление антисоциального поведения.

Постсоветский период развития научной исторической мысли в России, идеологические предпосылки которого были созданы профессионально подготовленными представителями демократического движения во второй половине 1980-х гг.², характеризуется стремлением выработать объективный, лишенный аксиологической предопределенности ракурс восприятия исчезнувшей и в других случаях сохраняющейся реальности. Для его реализации создателям историографических источников было необходимо отойти от линейного восприятия различных трансформационных процессов, сформировавшегося в качестве наиболее удобной прикладной модели еще в XVIII в.

Поэтому исследователи происходивших в различные периоды событий поставили перед собой задачу интегрированного объектного восприятия исторических явлений, отражающего его уникальную социально-гуманитарную сущность. Механизм ее решения был в системной форме изложен, в частности, А.К. Соколовым, пришедшим в своей статье о проблемах теоретического источниковедения к следующему выводу: «Анализ различных направлений изучения истории России ставит также вопрос о том, какое из них является наиболее перспективным сегодня в плане совершенствова-

¹ Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности: [сборник статей]. Свердловск, 1972. 376 с.

² Иного не дано: судьбы перестройки, взгляды в прошлое, возвращение к будущему / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1988. 674 с.

ния методологии и источниковедения, развертывания конкретно-исторических исследований. Отчетливо видно, что каждое из них тяготеет к человеку, к социальным аспектам человеческой деятельности. Поэтому, по нашему мнению, социальная история на нынешний день поможет обеспечить существенное продвижение вперед исторического знания. Социальная история сегодня понимается прежде всего как история общества (организация производства, труда, жизнедеятельности, власти и управления и т. д.), а не как обособленное направление исследований. При таком понимании все остальное в общественной жизни – экономика, государственные институты, культура и пр. – рассматриваются как производное»¹. Многовекторность и необходимая для ее эффективного обеспечения междисциплинарность направления научной исторической мысли были определены в 1990-2000-е гг. и признаются в настоящее время основаниями создания объективных историографических источников. Данный процесс при этом относится не только к теоретическому, но и к эмпирическому уровню осуществления познавательной деятельности.

Таким образом, развитие научной исторической мысли в России имеет три этапа – рационалистический, советский и постсоветский. Возникновение первого из них было обусловлено интеллектуальными и в их числе мировоззренческими факторами, совмещавшимися в закономерном стремлении познать и затем представить в конкретных текстах объективное, всестороннее содержание исторических фактов в их самостоятельном качестве и причинно-следственном контексте. Наступление двух последующих этапов определялось трансформацией прагматических по внутренней мотивации отношений между представителями государственных органов и деятелями из научного сообщества. Они имели характер встречного взаимодействия и могли проявляться в появлении различных по своей продуктивной значимости историографических источников. Потребность в формирующемся на данной социально-практической основе единстве целевых ориентаций может быть признана естественным состоянием и стимулом развития исторических знаний не только в научной, но также в политико-публицистической и учебно-дидактической формах.

¹ Соколов А.К. Источниковедение и проблемы исторического синтеза // Проблемы методологии и источниковедения. М., 2006. С. 214.